

МОДА В РОССИИ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII СТОЛЕТИЯ

Внешний вид человека — одежда, прическа, украшения — точно указывают на его место в социальной структуре общества и культурную принадлежность. Тот или иной стиль одежды может быть выражением политического протеста или, наоборот, показателем приверженности традициям. Эволюция моды неотделима от идейной жизни общества.

Одним из наиболее ярких новшеств в России эпохи Петра I было введение европейского костюма. Перемена одежды считается свидетельством резкого разрыва с традициями. Учитывая радикализм не только этого, но и остальных нововведений Петра I, кажется удивительным, что его преобразования вообще оказались возможными.

Некоторые исследователи пытаются найти причину относительной легкости проведения петровских реформ в том, что русская знать не имела чувства собственного достоинства. Она была готова на любые унижения перед царем, лишь бы оказаться ближе к престолу¹. Представление о «рабской» психологии русских людей XVI—XVII столетий, хотя и возникло не на пустом месте, является скорее стереотипом, чем исторической реальностью. Произошедшие на рубеже XVII и XVIII столетий перемены были слишком глубокими, чтобы их объяснять гением или самодурством одного царя.

Гораздо более продуктивны в научном плане исследования, направленные на то, чтобы выяснить особенности социокультурных процессов, протекавших в России в последней четверти XVII столетия. В этом плане особенно интересна работа А. Л. Хорошкевич «Психологическая готовность россиян к реформам Петра Великого. (К постановке вопроса)». Автор, насколько это возможно в рамках статьи, затронула очень широкий круг проблем политической, экономической, культурной жизни и быта. А. Л. Хорошкевич пишет, что ей показалось заманчивым понять, существовало ли в русском обществе накануне петровских реформ стремление к изменениям в разных сферах жизни. Итогом статьи стал вывод, что готовность к реформам в предпетровское время была присуща крайне узкому слою людей².

Отказ от традиционного костюма и переход на европейское платье являются частным вопросом общей проблемы готовности общества к реформам в целом. Чтобы понять, почему в России в начале XVIII столетия относительно легко произошла смена костюма значительной и наиболее активной части населения страны, необходимо проанализировать развитие русской моды в последней четверти XVII столетия. Одним из важнейших факторов развития русской моды последней четверти XVII в. является постепенное проникновение в Россию влияния европейского костюма.

Иноземное платье в России до царя Федора Алексеевича

Прежде чем перейти к анализу развития русской моды в последней четверти XVII столетия, необходимо кратко остановиться на том, как одевались в России в предшествующий период.

В XVII веке европейское платье для представителей правящего сословия России не было чем-то совершенно загадочным. Иностранцы постоянно приезжали в Россию в качестве купцов, дипломатов или просто на службу. Их необычные одеяния вызывали интерес и желание примерить удивительные костюмы на себя. По свидетельству А. Олеария, боярин Н. И. Романов, двоюродный брат царя Михаила Федоровича, любил одеваться во французское и польское

¹ Кирсанова Р. М. Русский костюм и быт XVIII—XIX веков. М., 2002. С. 14.

² Хорошкевич А. Л. Психологическая готовность россиян к реформам Петра Великого. (К постановке вопроса) // Российское самодержавие и бюрократия. Сборник статей в честь Натальи Федоровны Демидовой. М., 2000. С. 158–182.

платье³. В качестве игровой, «потешной» одежды «немецкое» платье носили дети Михаила Федоровича, в том числе будущий царь Алексей Михайлович и почти весь их штат⁴. Тем не менее, незадолго до смерти, 6 августа 1675 года, Алексей Михайлович повелел «Стольником и стряпчим и дворяном московским и жильцом... Свой государев указ сказать, чтоб они иноземских немецких и иных извычаев не перенимали, волосов у себя на голове не постригали, також и платья, кафтанов и шапок с иноземских образцов не носили, и людям своим потому ж носить не велели. А буде кто впредь учнет волосы постригать и платье носить с иноземского образца, или же такое ж платье объявится на людях их: и тем от Великого Государя быть в опале, и из высших чинов написаны будут в нижние чины»⁵. Таким образом, к началу царствования Федора Алексеевича (1676 г.), его подданные не имели права носить иноземное платье.

Историография реформы костюма Федора Алексеевича

Специалисты разных дисциплин неоднократно обращались к русскому костюму XVII столетия. Спектр таких исследований чрезвычайно широк — от классических общих работ И. Е. Забелина о домашнем быте русских царей и цариц до узкоспециальных публикаций, посвященных посольскому наряду А. В. Лаврентьева⁶.

Исследователей, в основном, привлекала эпоха Смуты, а также «классическое» время Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Тем, что происходило в последней четверти XVII столетия, интересовались крайне редко. С. М. Соловьев, опираясь на польский источник — «Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году и избрании двух царей Петра и Иоанна»⁷, писал, что при Федоре Алексеевиче под влиянием его жены А. С. Грушецкой вместо традиционного русского платья начали носить польские кунтуши⁸. И. Е. Забелин также пишет об упразднении Федором Алексеевичем старого русского костюма и введении европейского, главным образом, польского⁹. А. П. Богданов указал, что в октябре 1681 вместо старинной длинной одежды (охабней, однорядок) Федор Алексеевич приказал всем служилым людям московского списка носить особое платье — короткие кафтаны¹⁰. По мнению И. Л. Бусевой-Давыдовой, Федор Алексеевич велел заменить охабни и однорядки на укороченные ферези польско-украинского образца¹¹. А. К. Леонтьев отмечал, что при царе Федоре Алексеевиче многие придворные носили вместо длинных московских однорядок короткие польские кафтаны-кунтуши¹². Н. Ф. Демидова указывала, что «Иностранные и русские источники свидетельствуют об интересе Федора Алексеевича к одежде, как к своей, так и окружавших его придворных, а отчасти и армии. Повышенное внимание к туалетам при его дворе отмечал впоследствии Петр I, который говорил, что при его брате двор увлекался нарядами и лошадьми. ...Ряд указов Федора Алексеевича изменили облик его двора, предписав сменить старые «старобытные» одежды, а именно охабни и однорядки, на «служилое платье», узкие ферези западного образца. Доводом

³ Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. М., 2000. Т. I. Ч. II. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. С. 63.

⁴ Там же. С. 62–66.

⁵ Там же. С. 442.

⁶ Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.; Лаврентьев А. В. «Посольский наряд» русского дипломата XVI–XVII вв.: изобразительные и письменные источники // Российское самодержавие и бюрократия. М., 2000. С. 119–130.; Лаврентьев А. В. Poselstwo rosyjskie 1605/1606 r. na rolce sztokholmskiej // Kronika zamkowa. Warszawa, 1/36/1998/. С. 28–40.

⁷ В работе С. М. Соловьева этой ссылки нет, однако источник легко устанавливается по содержанию сообщения.

⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1991. Кн. 7. Т. XIII. С. 248.

⁹ Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. С. 442.

¹⁰ Богданов А. П. В тени Великого Петра. М., 1998. С. 197–198.

¹¹ Бусева-Давыдова И. Л. «Свое» и «чужое» в русской культуре XVII века // Искусствознание: Журнал по теории и истории искусства. М., 1998. № 2. С. 271–302.

¹² Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 2. С. 8.

для замены одежды приводилось соображение о том, что старые одежды были долги, прилично женскому платью, и к служилому и дорожному времени непотребны»¹³.

Как можно убедиться, выводы исследователей о переменах, произошедших в русском платье при Федоре Алексеевиче, довольно близки. Все перечисленные выше ученые при анализе реформы платья Федора Алексеевича опирались на нарративные источники.

В 1992 П. В. Седов ввел в научный оборот сам текст указа Федора Алексеевича. В день одной из самых пышных придворных церемоний — на праздник иконы Казанской Богородицы 22 октября 1680 г., пишет исследователь, царь указал и бояре приговорили: «с сего времени столником и стряпчим, и дворяном московским, и дьяком и жильцом, и всяких чинов служилым людям носить служилое платье ферези и кафтаны долгополые для того: по его, великого государя, указу они... бывают на его государевых службах в полках носят ферези и кафтаны и иное служилое платье, а к Москве приехав вместо того служилого платья носят городовое платье охабни и иное и в той перемене чинятца им убытки большие и для того то городовое платье охабни и иное отставить, чтоб впредь вышеписанных и иных чинов служилым людям в том убытков не было, а коротких кафтанов и чекменей никому не носить не которыми делами, а носить всем то служилое платье и в город всем выехать с воскресенья октября с 24-го числа».

Исходя из этого текста, П. В. Седов делает выводы, опровергающие установившийся в науке взгляд на реформу платья Федора Алексеевича. Исследователь считает, что вопреки утвердившемуся мнению, будто бы реформа Федора Алексеевича состояла во введении короткого польского платья, указ свидетельствует о национально-охранительном характере реформы. Ближайшая цель указа состояла в установлении более или менее единообразного костюма, в котором служилые люди должны были являться на службу. Указ 22 октября 1680 г. преследовал цель запретить иноземную одежду. При Алексее и Федоре власти применяли суровые меры к тем, кто носил иноземное платье, а при Петре I — к тем, кто отказывался его носить. Свидетельства нарративных источников П. В. Седов объясняет тем, что через несколько лет после отмены охабней и однополок распространение польского платья (о причине этого явления исследователь ничего не пишет) стало связываться в общественном сознании именно с реформой Федора Алексеевича¹⁴.

Предложенная П. В. Седовым интерпретация указа не кажется очевидной, и не дает объяснения содержащимся в источниках противоречиям.

Терминология источников

Чтобы понять причины кажущегося противоречия между текстом указа и сообщениями нарративных источников, необходимо подробно рассмотреть известия максимально широкого круга различных документов и проанализировать терминологию самого указа.

В указе среди запрещенных одежд названы хорошо известные по зарисовкам иностранцев охабни — традиционная парадная верхняя длиннополая одежда. Охабни (опахни) упоминаются с XIV века. Этот костюм существовал только в боярском обиходе и был официальным платьем вроде мундира¹⁵. Указ царя Федора называет охабни «городовой» одеждой. Другой запрещенной одеждой были чекмени. Словарь Даля определяет этот вид одежды как короткий полукафтан с перехватом. Чекмени лишь слегка прикрывали самую верхнюю часть ног.

Среди рекомендованной одежды были ферези, вошедшие в моду при Алексее Михайловиче. Ферезь — это верхняя длиннополая одежда, которая была составной частью воинского наряда¹⁶. Иностранцы в своих записках называли эту одежду плащом. Сложнее обстоит дело с кафтанами.

¹³ Демидова Н. Ф., Морозова Л. Е., Преображенский А. А. Первые Романовы на российском престоле. М., 1996. С. 202.

¹⁴ Седов П. В. Реформа служилого платья при Федоре Алексеевиче // Когда Россия молодая мужала с гением Петра. Переславль-Залесский, 1992. Вып. 1. С. 77–84

¹⁵ Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. С. 433, 462.

¹⁶ Там же. С. 440–441.

Короткие кафтаны были указом запрещены, а долгополые, наоборот, «указаны». Однако установить, какой кафтан считался коротким, а какой — долгополым, сложно. М. Н. Левинсон-Нечаева, работая с коллекцией одежды Оружейной палаты, отметила, что даже по относительно небольшой имеющейся там коллекции можно говорить о значительном разнообразии кафтанов в конце XVII в.¹⁷

Обращение к терминологии указа показывает, что он предписывал отказаться от «городового», то есть имеющего представительские функции традиционного платья, и носить «служилый» костюм. Из служилого платья запрещались только наиболее короткие его образцы. Как именно должны были выглядеть служилые люди по указу Федора Алексеевича, из текста документа непонятно. Нет в указе и однозначной информации о том, какова все-таки должна была быть длина служилого платья. Необходимо обратить внимание на то, что указ Федора Алексеевича запрещает и предписывает конкретные виды костюма. Какого-либо деления одежды на русскую и иноземную (или европейскую) в указе царя Федора нет. Если указ имел «национально-охранительный» характер, то достаточно было бы просто запретить ношение иноземной одежды.

Предшествующий указ о костюме, данный еще Алексеем Михайловичем, четко противопоставлял разрешенное «русское» и запрещенное «иноземное» платье. Более поздний указ Петра Алексеевича также противопоставлял запрещенный «русский» костюм и предписанную одежду «по обычаю европейских христианских государств».

Сам термин «европейский костюм» для XVII столетия неоднозначен. Так Фернан Бродель пишет — «Великой переменной стало быстрое укорочение около 1350 г. мужского одеяния — укорочение постыдное на взгляд лиц благонравных и почтенного возраста, защитников традиций. Этот костюм, облегаяющий тело, окажется долговечным, и мужчины никогда не вернутся к длинному платью.

Если традиционный костюм был примерно одинаков по всему континенту, то распространение короткого костюма будет происходить неравномерно, не без сопротивления и его приспособления. И, в конечном счете, мы увидим, как формируются национальные моды... Европа становится многоликой, по меньшей мере, до XIX в.»¹⁸

Иными словами, для Европы XVII столетия «европейское платье» — это костюм, более короткий, чем у турок или персов. Национальные же моды в разных странах Европы сильно различались как по набору, так и по длине костюма. Наименьшую длину имели французский и венгерский костюмы, а наибольшую — польский.

Длина костюма была, разумеется, не единственным критерием, по которому костюмы разных народов различались между собой. Однако путешественникам было легче всего описывать словами именно эту особенность костюма. Обрисовать подробности кроя одежды, не прибегая к иллюстрациям, трудно. Наверное, именно поэтому длина костюма (или его элементов) чаще всего упоминается в описаниях одежды других народов.

Все это привело к тому, что длина одежды стала маркирующим фактором и приобрела идейную нагрузку — якобы именно по меньшей длине костюма динамичный Запад отличается от застывшего в вековой неподвижности Востока. Данный стереотип стал «прочной основой» для деления по внешнему виду «европейцев» и «азиатов».

Внешний вид «москвитов» в последние десятилетия XVII в. по запискам иностранцев из «дальнего» зарубежья

Проанализируем различные источники, которые описывают изменения, произошедшие в одежде русских людей в результате реформы Федора Алексеевича. Такие сведения имеются в записках иностранцев о России.

¹⁷ Левинсон-Нечаева М. Н. Одежда и ткани XVI–XVII веков // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 310.

¹⁸ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., Прогресс, 1986. Т. I. С. 339.

В сочинениях иноземцев XVI — первой половины XVII веков неоднократно повторялось, что одежда московитов похожа на турецкую и что мужчины и женщины одеваются одинаково. Подобные сообщения следует расценивать не как свидетельство полного тождества русского и турецкого, женского и мужского костюмов, а как указание на большую длину русского костюма, чем это принято в Европе. Из подобных сочинений последними по времени являются рассказы голландца, парусных дел мастера А. А. Стрейса (1668—1670 г.) и выходца из Курляндии Я. Рейтенфельса (1670—1673 г.). Стрейс пишет, что «одежда и наряды женщин почти такие же, как у мужчин»¹⁹, а Рейтенфельс отмечает, что русские «в одежде неразумно и чрезмерно подражают азиатским народам»²⁰.

Следующее по времени известие принадлежит перу саксонца Г. А. Шлейсинга. Оно относится к 1684—1686 г. Шлейсинг отметил: «Некоторые ходят еще по старому русскому обычаю в больших широких кафтанах, некоторые — почти так же, как и поляки»²¹.

Де ла Невиль, француз, посол польского короля, побывавший в Москве в 1689 г. во время переворота, устранившего от власти царевну Софью, застал уже последнюю фазу перехода на новое платье: «Люди одеты почти так же, как поляки, богатые носят зимой одежду из голландского сукна, подбитого прекрасными мехами, а на головных уборах по несколько драгоценных камней, и почти у всех — мелкие жемчужины, которые очень распространены в этой стране, а летом носят платье из персидского и китайского шелка. Одежда женщин на турецкий манер»²².

Иезуиты Иржи Давид и Товия Тихановский, изгнанные из Москвы в 1689 году, нашли, что «женщины плавно ходят в высоких башмаках, из-за которых не могут бегать или ходить быстро... В остальном они одеваются наподобие турчанок»²³.

Секретарь австрийского посольства (1698—1699) И. Г. Корб оставил последнее по времени сообщение о русском костюме XVII в. Его рассказ относится уже к моменту возвращения в Россию Великого посольства. О русских женщинах австрийский дипломат писал: «Верхнее платье похоже на одежду восточных женщин», а о мужчинах: «Платье они некогда имели общее с татарами, потом стали одеваться изящнее, на польский лад; теперь их одевание всего больше похоже на венгерское»²⁴.

Мы видим, что приезжим из «дальнего» зарубежья одежда русских людей к началу 1670-х годов казалась «азиатской», женский же костюм виделся сходным с мужским. В конце же восьмидесятых годов с турецким одеванием сравнивали только костюм женщин. Мужская одежда напомнила немцам и французам польский наряд, а чех (Иржи Давид) вообще не находит в мужском наряде ничего достойного упоминания. Ни в одном из перечисленных источников не объясняется причина изменения внешнего вида «московитов». Судя по данным этой группы источников, начало перемен в русской одежде относится ко времени между 1673 и 1684 г.

Среди свидетельств иностранцев особняком стоит рассказ Б. Таннера, чеха по национальности, побывавшего в России в составе польского посольства в 1678 г. Сообщение Таннера трудно сопоставить с тем, что писали другие иностранцы, поскольку он не сравнивает русскую одежду с костюмом других народов. Однако Таннер приводит русские названия костюмов, что делает его свидетельство особенно ценным.

Описывая внешний вид русских аристократов, выехавших встречать польское посольство, Таннер отмечает, что «на них ловко сидят красные полукафтаны, а другие в роде длинного плаща были накинута на шею, мастерски вышиты, подбиты соболем; они называют их ферезиями...

¹⁹ Стрейс А. А. Три путешествия / Ред. и пер. Э. Бородин. М., 1935. С. 165.

²⁰ Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя, 1680 г. // Утверждение династии. М., 1997. С. 345.

²¹ Шлейсинг Г. А. Рассказ очевидца о жизни Московии конца XVII века // Вопросы истории. 1970. № 1. С. 115.

²² Невиль, де ла. Записки о Московии. М.; Долгопрудный, 1996. С. 167.

²³ Иржи Д. Современное состояние Великой России, или Московии. // Вопросы истории. 1968. № 4. С. 141.

²⁴ Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию (1698—1699). СПб., 1906. С. 220, 243.

Они носят эти ферязи, отвернув их у правого локтя и забросив за спину»²⁵. В этом сообщении Таннер описывает костюм представителей русской знати, которые встречали посольство так, как после реформы 1680 г. должна была выглядеть вся московская знать. Любопытно, что длиннополую ферезь можно было откинуть в качестве плаща и красоваться в коротких полукафтанах, которые в отличие от традиционного верхнего платья не висели, как копна, а «ловко сидели» на фигуре.

Рассказ Таннера интересен еще и тем, что путешественник обратил внимание на различие в манере одеваться между взрослыми людьми и молодежью: «Молодые люди обоего пола одеваются по-своему. Парни ходят в коротких кафтанах пепельного цвета, не доходящих до колен; чтобы быть тонкими и проворными, они крепко подпоясываются; к бедру привешивают длинный нож в ножнах (сабли, называемые чечуги, позволяет носить только солдату) коими в ссорах нередко распарывают животы друг другу»²⁶. Судя по тому, что описанные Таннером кафтаны были сделаны из дешевой ткани, это сообщение относилось к молодежи из средних слоев городского населения. Данное известие интересно сопоставить с тем, что самого Алексея Михайловича в детском возрасте одевали в короткий европейский костюм. Очевидно, молодежная и детская одежда в России XVII в. была более короткой, чем одежда зрелых взрослых людей. Поскольку на протяжении последней четверти XVII столетия Россией правили молодые государи, это способствовало переходу на более короткую одежду.

Русский костюм в последние десятилетия XVII в. по польским источникам

Иную картину происходящего дают польские нарративные источники. Один из них — «Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году и избрании двух царей Петра и Иоанна». Эта польская рукопись составлена в 1683 г. и опубликована на немецком языке в 1686 г. Ее целью было создать в преддверии заключения «вечного» мира между Россией и Польшей негативный имидж России у посредника по переговорам — Священной римской империи²⁷. «Эта царица (Агафья Грушецкая. — С. III.) была по отцу польскаго происхождения. Выйдя замуж за царя, она сделала много добра Московскому царству. Прежде всего, она уговорила отменить охабни, то есть одежды безобразныя, женския, которыя на войско надел тиран-царь, когда оно бежало позорно без битвы с поля сражения, далее она уговорила стричь волосы и брить бороды, носить сабли сбоку и одеваться в польские кунтуши»²⁸. «Кунтуш» — «название верхней одежды вроде кафтана с широкими откидными рукавами»²⁹.

Другой польский источник — «Летопись самовидца» более доброжелателен к России. «Месяца мая государь царь московский и всея России Федор Алексеевич помер з жалением усего христианства в молодых летах, который великую любовь до нашего народу мел, бо и набоженства на Москве нашим напевом по церквах и по монастырах отправовати приказал, и одежду московскую отменено, але по-нашему носить позволил»³⁰.

Оба польских источника категорично утверждают, что новое платье ввел Федор Алексеевич и оно было не просто похоже на польское (как об этом пишут немецкий и французский авторы), а являлось именно польским. Это утверждение было выгодно и «лестно» полякам. Оно представляло Московское государство «учеником» Польши. В других источниках свидетельство о том, что Федор Алексеевич ввел в России польское платье, подтверждения не находит.

²⁵ Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. // ЧОИДР. М., 1891. Кн. 3. С. 45.

²⁶ Там же. С. 102.

²⁷ Богданов А. П. Нарративные источники о Московском восстании 1682 года // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1993. С. 85–88.

²⁸ Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году и избрании двух царей Петра и Иоанна / пер. А. Василенко. СПб. 1901. С. 16–17.

²⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1981. Вып. 8. С. 123.

³⁰ Летопись самовидца по новооткрытым спискам с приложением трех малороссийских хроник: Хмельницкой, «Краткого Описания Малороссии» и «Собрания Исторического». Киев. 1878. С. 152.

Реформа платья Федора Алексеевича в русских нарративных источниках XVII в.

Наиболее часто упоминания о реформе платья Федора Алексеевича встречаются в русских повествовательных источниках. В местных летописцах сообщений о реформе платья при Федоре Алексеевиче нет. В летописцах же и хронографах московского происхождения реформа платья — одно из самых встречаемых известий. Отсюда можно сделать предположение, что указ о платье, скорее всего, не затронул провинциальное дворянство.

Значительная часть летописцев просто сообщает (более или менее точно и пространно) о замене старого платья, охабней и однорядок, на новое, служилое — ферези и кафтаны³¹.

Лишь несколько повествовательных памятников дают нам дополнительную информацию о том, чем новое платье отличалось от старого. Наиболее ранним из них является «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве», посвященное вспыхнувшему в Москве после смерти царя Федора восстанию. Это сочинение принадлежит перу настоятеля Заиконоспасского монастыря Симеона Агафоновича (Сильвестра) Медведева³².

О реформе платья Сильвестр Медведев пишет во введении к «Созерцанию». Введение начинается с похвалы Федору Алексеевичу в ряду описания реформ последних лет его царствования. Основное внимание автор уделяет отмене местничества, изменению структуры епархиального управления, введению новых чинов в армии («ротмистр», «поручик», «полковник», «капитан» вместо традиционных «голова», «сотник»), а также реформе платья: «В то же лето бысть от него, государя, повеление всему его сигклиту, и всем дворяном, и приказным людем, чтобы носили одеяние — кафтаны. Прежде того носиша длинное платье: охобни и однорядки. И начаша вси носити кафтаны и до сего дни»³³.

После описания реформ Федора Алексеевича Сильвестр неожиданно обрушивается на новшества как таковые с критикой. Эта критика не персонифицирована. Она изложена как общие рассуждения о благе государства и причинах смут и мятежей. Перечень критикуемых во второй части введения «нестроений» почти полностью охватывает перечисленные выше, в первой части введения, в хвалебном ключе реформы царя Федора. Материал «Созерцания» построен так, будто именно в реформах последних лет царствования Федора Алексеевича Сильвестр видит причину восстания 1682 г.

Автор дважды с небольшими вариациями коснулся введения иноземного костюма: «Ведящи же многим искусством вещают, что иностранных обычаев, чинов председательства и чести званием не слыханным в своем государстве именовати, також де в одеждах, обувах, и в пищи и в питии отнюдь и внезапно вводить не подобает».

Для нашей темы важно, что Сильвестр, во-первых, четко соотносит введенное Федором Алексеевичем платье с той одеждой, которую носили «до сего дни» (и которая описана иностранцами как похожая на польскую). Во-вторых, новое платье, по свидетельству Сильвестра, было короче старого. И в-третьих, хотя автор «Созерцания» и не называет новый костюм иноземным, но критикует его именно в контексте общего порицания переноса в Россию иноземных обычаев. Весь рассмотренный выше источник создает впечатление какой-то двойственной и нечеткой оценки реформы платья Федора Алексеевича.

³¹ Тихомиров М. Н. Записки приказных людей конца XVII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. XII. С. 442–443; Летописец 1686 года. РГАДА. Ф. 181. № 20/25. Л. 826; Летописец 1619–1691 гг. Полная редакция // ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. С. 186; Богданов А. П. Редакции летописца 1619–1691 гг. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982. С. 124–151; Богданов А. П. Краткий Московский летописец Вторая ред. Краткого Московского летописца по Академическому списку // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1991. С. 153; Подробная летопись от начала России до Полтавской Баталии. СПб., 1799. Ч. 4. С. 65.

³² Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей / Сост., автор вступ. ст., коммент. и указ. А. П. Богданов. М., 1990. С. 19

³³ Там же. С. 67, 68.

Другой источник, «Хронограф русский» 1-го разряда III редакции, свидетельствует, что Федор Алексеевич «указал своего царского синклиту бояром и околничим и думным и ближним и служилым и приказным людям на Москве и в городах носить служилое платье и прежние старообытные городовые одежды: охобни и однорядки оставить для того, что те были одежды долги — прилично женскому платью — и к служилому и дорожному времени не потребно, да и много убыточно»³⁴. Здесь четко указывается на «долготу» старого, запрещенного платья по сравнению с новым.

Хронографу вторит автор Беляевского летописца (он писался до середины 90-х г. XVII в. жителем Москвы, хорошо знавшим события в столице, и с уважением отзывался о монашестве)³⁵. Летописец сообщает, что Федор Алексеевич указал «бояром, окольничим, думным, служилым людям и всякому чину древнюю одежду — однорядки и охобни — не носить, а указал носить всякому чину служивое платье: кафтаны не на подъем»³⁶.

Хронографец Боголепа Адамова — иеромонаха Чудовского монастыря, написанный им около 1688 г.³⁷, дает единственное в летописных памятниках сравнение нового костюма с одеждой других народов. По словам Боголепа Адамова, Федор Алексеевич «платье народу российскому повеле носить от татар отменное, по своему российскому определенному званию»³⁸. Это известие особенно интересно тем, что перекликается с сообщениями европейцев первой половины XVII в. о сходстве отмененного русского костюма с «азиатскими» одежаниями. Между тем вряд ли кто-то из россиян первой половины XVII в. мог перепутать одежду русских и татар. Очевидно, что автор, хотя и говорит о «российском определенном звании», все же четко воспринял антитезу «короткое европейское платье» — «длинное восточное платье».

О том что, по крайней мере, до начала 90-х г. XVII в. русское платье могло не отождествляться ни с каким из европейских костюмов, свидетельствует пассаж о платье из завещания патриарха Иоакима (1690). В нем Иоаким продолжает настаивать, чтобы после его смерти «новых латинских иностранных обычаев и в платии перемен по иноземски не вводить»³⁹. Если бы при Федоре Алексеевиче в России было введено польское платье, то в завещании призыв не вводить «иноземского» платья был бы неуместен.

Костюм 80–90-х г. XVII столетия в русских источниках начала XVIII в.

Любопытные сведения о костюме русской служилой знати в последние десятилетия XVII в. дают источники, появившиеся уже в следующем столетии, после петровской реформы платья.

Особенно важно свидетельство, содержащееся в «Журнале, или Поденной записке, блаженные и вечнодостоинныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира», повествующем уже о петровской реформе платья: «Тогда ж за благо разсудил старинное платье российское [которое было наподобие польского платья] отменить, а повелел всем своим подданным носить по обычаю европейских христианских государств, тако ж де и бороды повелел брить»⁴⁰. Это же (имеющее полное текстуальное совпадение) сообщение было включено и в последнюю версию «Гистории о Свейской войне»⁴¹. И «Журнал» и «Гистория»

³⁴ Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы Русской редакции. М., 1869. С. 253.

³⁵ Россия при царевне Софье и Петре I. С. 5, 15.

³⁶ Там же. С. 39, 40.

³⁷ Богданов А. П. Боголеп Адамов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб. 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 141–142.

³⁸ Богданов А. П. Хронографец Боголепа Адамова // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. XLI. С. 399.

³⁹ Иоаким Завещание // Богданов А. П. Русские патриархи. М., 1999. Т. II. С. 313.

⁴⁰ Журнал, или Поденная записка, блаженные и вечнодостоинныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштатского мира. СПб., 1770. С. 7.

⁴¹ Гистория Свейской войны / Сост. Т. С. Майкова. М., 2004. Вып. 1. С. 201.

составлялись в новых исторических условиях, когда подражание западной Европе стало государственной политикой. Составитель журнала посчитал нужным упомянуть о сходстве запрещенного Петром I русского костюма с польским. Уточнение о сходстве отмененного Петром I платья с польским костюмом напоминало современникам, что перемены в одежде не были на Руси чем-то небывалым. Рядом с таким уточнением сообщение о переходе на платье «по обычаю европейских христианских государств» выглядело менее радикально.

Любопытно, что в первой версии «Истории о Свейской войне» записи о введении европейского платья не было. Она появилась в процессе редактирования. Учитывая, что «Историю» редактировал лично царь Петр, можно предположить, что именно он был инициатором включения в «Историю» пассажа о платье. Данная в «Журнале» и «Истории» «этническая» оценка отмененного петровской реформой костюма полностью совпадает с более ранними свидетельствами иностранцев из «дальнего» зарубежья.

О сходстве отмененного Петром I платья с польским костюмом помнили и десятилетия спустя. В 1727 году Ф. А. Куракин писал о времени правления Софьи: «Политес возставшая была с манеру польскаго — и в экипажах, и в домовом строении, и в уборах, и в столах»⁴².

Суммируя данные письменных источников о внешнем виде русских людей последних десятилетий XVII в. можно констатировать следующее.

В части описания русского костюма 80-х г. XVII в. свидетельства всех перечисленных выше источников не противоречат друг другу. Бросается в глаза, что источники единодушно указывают на меньшую, чем прежде, длину нового русского мужского костюма и его отличие от одеяния «восточных» народов. Если приезжие из «дальнего» зарубежья просто отмечают произошедшие изменения, то польские и русские источники однозначно связывают их с реформой Федора Алексеевича.

Когда же речь заходит о *сравнении* нового русского платья с одеждой европейских соседей России, источники серьезно расходятся между собой. Оба польских памятника единогласно утверждают, что царь Федор ввел в России польский костюм. Приезжие из «дальнего» зарубежья, а также русские источники XVIII в. говорят, что русская одежда 80–90-х г. XVII в. похожа на польский костюм. Русские же нарративные источники или не говорят ничего, или, как Боголеп Адамов, сообщают, что новая одежда «по своему российскому определенному званию» или определяют национальную принадлежность путано и двусмысленно, как Сильвестр Медведев.

Отсюда мы можем сделать вывод, что реальный вид одежды представителей русского служилого сословия последних десятилетий XVII в. позволял по-разному оценивать ее этническую принадлежность. В любом случае русская мужская одежда рассматриваемого периода была больше похожа на европейскую, чем на азиатскую.

Русский и польский костюмы последних десятилетий XVII столетия в изобразительном искусстве

Чтобы лучше понять причину разнообразия мнений о схожести или несхожести русского костюма последних десятилетий XVII в. с польским, необходимо выяснить, что представлял собой польский костюм второй половины XVII столетия.

Искусствовед, историк костюма М. Н. Мерцалова пишет, что польский мужской костюм испытал на себе множество иноземных влияний — немецкое, итальянское, испанское, восточное. Тем не менее, в XVII веке поляки, за исключением короля и придворных, следовавших французской моде, сохраняли национальный костюм. Французам польская одежда казалась похожей на

⁴² Хорошкевич А. Л. Психологическая готовность россиян к реформам Петра Великого. (К постановке вопроса) // Российское самодержавие и бюрократия. Сборник статей в честь Натальи Федоровны Демидовой. М., 2000. С. 158–182.; Архив Ф. А. Куракина. СПб., 1890. Т. I. С. 50.

персидскую (то есть была более длинной, чем французская. — С. Ш.). Костюм поляка составлял жупан с широким поясом. Поверх него носили делию. Вариантом делии была «ферезия» — меньшего объема с узкими длинными рукавами, очень похожая на турецкие кафтаны. С 1648 г. появился «контуш» с широкими рукавами. Он мог надеваться на жупан⁴³.

Уже словесное описание четко показывает, что среди национальных европейских костюмов польский выделялся большой длиной. Это объясняется как прохладными зимами на севере Речи Посполитой, так и тем, что общеевропейское укорочение платья началось здесь позже, чем в других государствах. Если же сопоставить польские портреты второй пол. XVII столетия из книги М. Н. Мерцаловой с русскими парсунами последней четверти XVII столетия⁴⁴, то сходство костюма на многих портретах становится очевидным. Оно вызвано не только длиной или «европейскими» элементами костюма, но и одинаковым пристрастием польских и русских аристократов к предметам восточного производства, в частности к богато украшенным персидским поясам.

Перемены, произошедшие в русском костюме за последнюю четверть XVII в., особенно ярко видны на портрете князя И. Б. Репнина (кон. XVII в.). Как пишет Е. С. Овчинникова, «Репнин изображен стоящим около стола с несколько выставленной вперед левой ногой. В правой руке он держит трость, левой опирается в бок. Он в черной бархатной одежде типа ферезеи, с горностаевым воротником, на таком же горностаевом меху с откидными рукавами.

Распахнутые полы ферезеи спереди позволяют вдеть надетый внизу короткий кафтан из белой блестящей ткани, с застежкой посередине. На поясе у левого бедра шпага, золотая рукоять которой богато украшена драгоценными камнями»⁴⁵. Данный портрет показывает, как «европейский» вид мог достигаться не только набором костюма, но и способом его ношения. Если бы ферезь была запахнута, князь имел бы вполне «традиционный» для русского человека XVII в. внешний вид. Однако, когда под накинутой наподобие плаща ферезью одет короткий кафтан, из-под полы которого торчит даже верхняя часть ног, а на боку под ферезью видна шпага, то весь облик франта уже нельзя назвать «традиционно русским». Необходимо также вспомнить, что, судя по приведенному выше сообщению Таннера, некоторые представители русской знати одевались подобным образом еще в 1678 г., во время встречи польского посольства.

Анализ приведенных выше источников показывает, что Федор Алексеевич не вводил в Россию ни польской, ни какой-то другой европейской одежды. Он просто запретил ношение традиционного парадного костюма, заменив его служилым платьем. В таком одеянии к моменту издания указа ходили уже многие представители московской знати. Служилое одеяние по необходимости должно было как можно меньше сковывать движения человека. Это и предопределяло его меньшую длину. В угоду ревнителям традиций указ запрещал носить и «постыдно» короткие костюмы. Между «ретроградски» длинными охабнями и вызывающе короткими чекменями служилые люди (за исключением случаев парадных государственных церемоний, для участия в которых были необходимы ферези строго регламентированного вида) могли теперь выбирать наиболее приемлемый для себя крой одежды. Кроме того, под ферезью зачастую носили короткий, иногда выше колен, кафтан. По окончании дворцовых церемоний ферезь можно было расстегнуть и закинуть за спину, как плащ. Это существенно меняло внешний вид человека. В результате реформы Федора Алексеевича костюм русского служилого сословия стал, в соответствии с общеевропейской тенденцией, постепенно укорачиваться и приобрел сходство с польским. Появление свободы выбора привело к проникновению в Россию нового, чисто европейского явления —

⁴³ Мерцалова М. Н. Костюм разных времен и народов. СПб., 2001. Т. II. С. 398–402.

⁴⁴ Овчинникова Е. С. Портрет в русском искусстве XVII века. М., 1955; Кирсанова Р. М. Русский костюм и быт XVIII–XIX веков. М., 2002 и др.

⁴⁵ Там же. С. 120.

моды. Осознавала ли русская знать сходство нового костюма с польским? Скорее всего, да, поскольку это сходство очевидно. Однако признать его было бы унижительно для национального самолюбия. Именно это заставило Боголепа Адамова настаивать на том, что новый костюм «по своему российскому определенному званию». В итоге молодые могли щеголять своим «европейским» видом, а ревнители старины — делать вид, что ничего особенного не происходит.

Причины реформы платья царя Федора Алексеевича

Что же заставило Федора Алексеевича провести реформу костюма служилого сословия? Уже в самом указе говорится, что его цель в том, чтобы избавить служилых людей от необходимости тратиться и на «городовую» и на «служилую» одежду. «Хронограф русский» также говорит, что отмененное платье было «к служилому и дорожному времени не потребно, да и много убыточно»⁴⁶. Даже в панегирике, дошедшем до нас на парсуне царя Федора работы Богдана Салтанова, законченной после смерти государя и помещенной над его гробницей в Архангельском соборе, говорится, что он «убыточные народу одежды переменял»⁴⁷.

В Посольском приказе в царствование Федора Алексеевича из иностранных газет среди другой информации отбирались и сведения о реформах костюма в европейских государствах. Одно из таких сообщений было доставлено в Москву 7 ноября 1677 г. «Из Венеции сентября в 24 день. У нас здесь паки великие пени учинены на тех, которые через прошлой устав, какое будет носить цветное платье паче своей меры и достоинства, и то речь посполитая (республика. — С. Ш.) наша устави́ла для того, чтоб в народе великие протори и розход в платье отставить»⁴⁸. Оно было доложено царю. Другое подобное сообщение пришло в Москву из Стокгольма вскоре после проведения реформы, в конце 1680 г. «На сейме королю обещали дополнительные доходы. Шведское рыцарство единогласно решило не носить кружев и золота»⁴⁹. Это известие зачитывалось царю и боярам на заседании Боярской думы. Как видим, оба сообщения говорят об экономической подоплеке нововведений в области одежды в Венеции и Швеции.

Судя по всему, главной задачей реформы Федора Алексеевича было поддержать подорванное длительной русско-турецкой войной благосостояние русского служилого сословия. Война с Турцией сама по себе должна была способствовать распространению моды на военный костюм. По крайней мере, так это было в Европе во время тридцатилетней войны. Нельзя забывать и общеизвестных «польских» симпатиях царя Федора. Очевидно, «похожее на польское» платье импонировало его личным вкусам. Практическая польза и личные вкусы монарха совпали.

Проведение в жизнь реформы платья царя Федора Алексеевича

Любой закон не имеет смысла, если за его нарушение не предусмотрено наказания. При Алексее Михайловиче за «иноземский» внешний вид понижали в чинах. При Петре I традиционные длиннополые костюмы прямо на улице обрезали до «указной» длины. Виновные в нарушении предписаний Федора Алексеевича тоже подвергались наказанию. Сильвестр Медведев в своем сочинении сообщает: «А естли бы тогда кто воспротивился и носил охобень или однорядку, и того, кто бы не буди, не токмо не повеле во свой царской двор ходити, но и во град Кремль не пущати»⁵⁰! Другой, анонимный источник, происходящий из приказной среды, свидетельствует, что с тех, кто все-таки пытался в нарушение указа пройти в Кремль в охабне или однорядке, «в Кремле городе по воротам, з дворян и с подьячих, охобни и однорядки здирали и клали в караулку до указу»⁵¹. Какой-либо информации о том, что правительство боролось со старой одеждой за

⁴⁶ Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы Русской редакции. С. 253.

⁴⁷ Царь Федор Алексеевич. 1686 г. ГИМ. № 29175, И VIII 3760.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1677 г. Д. 7. Л. 303.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Д. 4. Л. 153–154.

⁵⁰ Россия при царевне Софье и Петре I. С. 67, 68.

⁵¹ Тихомиров М. Н. Записки приказных людей конца XVII века. С. 442–443.

пределами Кремля, в источниках не сохранилось. Именно тем, что ношение нового костюма требовалось только от тех, кто мог попасть «пред царские светлые очи», объясняется зафиксированная Г. А. Шлейсингом в 1684—1686 г. картина: «Некоторые ходят еще по старому русскому обычаю в больших широких кафтанах, некоторые — почти так же, как и поляки».

Никаких сведений о наказании за ношение европейской одежды от времени Федора Алексеевича не сохранилось. Что же касается более позднего периода, то Алексей Васильевич Голицын во времена Софьи не побоялся нарушить указа Алексея Михайловича, чтобы «кафтаны и шапок с иноземских образцов не носили, и людям своим потому ж носить не велели». Для его возничего в конюшенной палате хранился «Кафтан фозничий немецкой и штаны, сукно цвет коришной, по нем галун серебряной цена 5 р.»⁵². Европейский кучерский костюм был необходимым элементом модного «выезда».

Судя по всему, поездки с одетым в европейский костюм кучером обходились Алексею Васильевичу Голицыну безнаказанно. Скорее всего, несмотря на «лояльную» к традициям формулу указа Федора Алексеевича, репрессивная часть этого указа на практике была больше направлена на ревнителей старины, чем на тех, кто интересовался европейскими модами.

Благодаря тому, что указ Федора Алексеевича был довольно мягок по своему содержанию и был обязателен только служилых людей, его реализация встречала гораздо меньшее противодействие, чем реформа платья Петра I. Об этом прямо сообщает подметное письмо, относившееся к 1708 году. В адресованном Петру послании говорилось: «Бояре и другому указу твоему не послушны, о русском платье: как ты приедешь к Москве, при тебе ходят в немецком платье, а без тебя все боярские женки ходят в русском платье... Как Федор Алексеевич приказал охабни переменить, и в один месяц переменяли и указу его не ругали, а твоего указу ни во что не ставят, в семь лет не переведут»⁵³.

Другие изменения во внешнем облике служилых людей — бороды, парики, шпаги

Хотя указ Федора Алексеевича касался только платья, но нельзя не сказать и о других переменах во внешнем облике московской знати в последней четверти XVII столетия. Одним из таких изменений была мода на бритье лица. «Блудодейное брадобритие» было в России одним из наиболее бичуемых пороков в XVI столетии и позднее⁵⁴.

При Алексее Михайловиче брадобритие было так же запрещено, как и ношение европейского платья. Но уже в царствование Федора Алексеевича патриарх Иоаким в своем «Изглашении» обличает, что «елинский блуднический, гнусный обычай, древле многажды возбраняемый, во днх царя Алексея Михайловича совершенно искорененный» возрождается — «Паки ныне юннонеистовые, начали образ от Бога мужу дарованный губить». «Изглашение» грозило отлучением от церкви и модникам и их друзьям⁵⁵.

Упомянувшийся выше «Дневник зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году и избрании двух царей Петра и Иоанна» утверждает, что Агафья Грушецкая уговорила Федора Алексеевича не только отменить охабни, но и стричь волосы и брить бороды. Вполне возможно, что брадобритие, хотя официально и не разрешенное, находило сочувствие у молодого царя. По крайней мере, сведений о борьбе светских властей с брадобритием со времени правления Федора Алексеевича мы не находим.

Следующий после Иоакима патриарх — Адриан, после принятия сана направил своей пастве «Окружное послание ко всем православным о небритии бороды и усов». А. П. Богданов отметил, что в данном послании патриарх не просто осуждает и запрещает этот обычай, а еще и

⁵² Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его помощниках. СПб., 1893. Т. IV. Стб. 158.

⁵³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. 8. Т. XVI. С. 110, 111.

⁵⁴ Бусева-Давыдова И. Л. «Свое» и «чужое» в русской культуре XVII века. С. 271—302.

⁵⁵ Богданов А. П. Русские патриархи. М., 1999. Т. II. С. 330.

убеждает паству отказаться от него. Среди аргументов патриарха ссылки на библию, отцов церкви и церковные соборы. Бог, утверждает патриарх, сотворив человека по своему образу и подобию, положил видимое различие между мужем и женой: мужу, как начальнику, израстил благолепную бороду; жене же, как несовершенной и подначальной, такого благолепия не дал — да будет подчиненной, видя мужа своего красоту, а себя лишенной этой красоты и совершенства, да будет смиренна всегда и покорна.

Показательно, что, обращаясь к архиереям и священству, Адриан ни слова не говорит о поддержке в борьбе против брадобрития со стороны светских властей. Зато в послании есть предупреждение священству: «Если же вы отныне будете таковым послаблять, стыдясь лиц сильных и вельмож, или ради прибытка... или ради иного какого пристрастия, — вы подлежать будете из чина церковного священного извержению...»⁵⁶. Последняя фраза свидетельствует, что к началу патриаршества Адриана светские власти брадобрийцев не преследовали. Наоборот, священникам, которые пытались папской властью наказать брадобрийцев, приходилось опасаться «лиц сильных и вельмож». На портретах последней четверти XVII в. мы находим бритых вельмож Г. П. Годунова (1686 г.), В. Ф. Люткина (1697 г.), Л. К. Нарышкина (1697–1698 г.)⁵⁷.

В букваре, вышедшем из печати в 1694 г., Карион Истомина в стихах на букву «Б» пишет: «Человеком есть Брада совершенство».

Однако в том же букваре на букву «Ж» рядом с «женой» изображен усатый «жених» с выбритым подбородком⁵⁸.

Если портреты со всей очевидностью выдают брадобрийцев, то появление моды на парики проследить гораздо труднее. В Европе искусственные волосы начали носить около 1629 г.⁵⁹ В Окружном послании Адриана, со ссылкой на постановления шестого вселенского собора, есть осуждение «кудри творящих и накладные (волосы) носящих на блудное прельщение». Уже само запрещение говорит о распространении этой моды.

Есть и несколько фактов, подтверждающих популярность париков в России последней четверти XVII столетия. В письме от 27 декабря 1680 года кенигсбергский почтмейстер Вернер Штурм писал московскому почтмейстеру дьяку Андрею Виниусу: «Накладные волосы тебе господине на потребу готовить приказаны. После праздника поспеет. И какой час их получу, и я чрез Ригу не замотчав пришлю»⁶⁰. Письмо было посвящено работе европейских почтовых линий, и потому Виниус передал его в Посольский приказ. Здесь оно было целиком переведено для доклада царю и боярам вместе с кратким случайным упоминанием о присылке парика. Судя по этому письму, Виниус, православный русский подданный во втором поколении, свободно пользовался париком в повседневной жизни уже в царствование Федора Алексеевича. Судя по описи имущества В. В. и А. В. Голицыных, составленной после свержения правительства Софьи, парик носил и сам А. В. Голицын и его возчик⁶¹.

Парик был не единственным европейским «модным аксессуаром», вошедшим в жизнь русской знати в последние десятилетия XVII в. Другим новшеством стали шпаги. Цитировавшийся уже выше Г. А. Шлейсинг пишет: «Ни один русский не носит на боку шпагу, разве в пути или исполняя царскую военную службу. Но знатные господа и высокопоставленные служители носят короткие немецкие шпаги под своими куртками (это описание напоминает отмеченный выше портрет князя И. Б. Репнина. — С. III.), как носим их теперь мы в согласии с модой. Вошло

⁵⁶ Там же. С. 330–333.

⁵⁷ Овчинникова Е. С. Портрет в русском искусстве XVII века. Таб. XXI, XXV, XXIX.

⁵⁸ Карион Истомин Букварь. М., 1694.

⁵⁹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. С. 355.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Д. 4. Л. 177–181.

⁶¹ Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его помощниках. Стб. 106, 158.

это у русских в обычай лишь недавно, уже после восстания»⁶². Это сообщение ценно тем, что четко фиксирует и время появления новой моды, и социальный круг, внутри которого это нововведение распространилось. Упомянутый выше «Дневник зверского избиения московских бояр...» приписывает влиянию Агафьи Грушницкой установление обычая носить сбоку сабли. Очевидно, оба этих сообщения отражают одну и ту же тенденцию развития моды.

Б. Таннер в своем сочинении, относящемся к 1678 году, пишет: «Кроме солдат ни кто не имеет права привешивать саблю на бедро. От того прочие вместо нея носят под одеждой длинные ножи»⁶³. Ношение длинных ножей под одеждой вряд ли можно рассматривать как следствие западного влияния. Здесь мы видим национальную традицию, которая стала основой для восприятия европейской моды на ношение коротких парадных шпаг.

Судя по всему, после подавления Московского восстания 1682 г. и начала регентства Софьи в среде московской знати не только внешний вид, но и быт в целом начал перестраиваться по европейским образцам. Цитированный выше Ф. А. Куракин писал о переменах не только в «уборах», но и в экипажах, и в столах. Эти сведения находят подтверждение и в других источниках. А. В. Голицын имел модный выезд с кучером в немецком кафтане и парике. Сильвестр же, в своем «Созерцании» обрушивается не только на новшества в одежде, но и в «пищи и в питии».

Женский костюм последней четверти XVII в.

Женщины в последней четверти XVII в. выглядели более консервативно, чем мужчины. Однако, как свидетельствуют источники, перемены происходили и во внешнем облике женщин.

В упоминавшемся уже «Дневнике зверского избиения московских бояр в столице в 1682 году и избрании двух царей Петра и Иоанна» говорилось, что А. С. Грушецкая «выйдя замуж за царя... Прежде всего она уговорила отменить охабни, то есть одежды безобразныя...».

Казалось бы, что данное сообщение относится только к мужскому костюму. Однако Летописец Черкасских, сочинение 80-х годов XVII в., и «Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии» приписывают указу Федора изменение и в женской одежде: «переменил древнее российское платье охабни и прочее и велел носить мущинам кафтаны, а женщинам шубы и телогреи и треухи, а не шапки»⁶⁴ (текст в обоих источниках имеет полное текстуальное совпадение).

Это сообщение можно было бы посчитать простой ошибкой, поскольку в опубликованном П. В. Седовым указе речи о женской одежде не идет. Если же обратиться к составленной И. Е. Забелиным таблице уборов цариц, то окажется, что сообщение летописца находит подтверждение в реальном гардеробе цариц. Если царица Мария Ильинична имела 7 охабней, то Агафья Семеновна их в своем гардеробе не имела вообще. Из верхней одежды она пользовалась шубами и телогреями. Очевидно, что Агафья Семеновна, если и не инициировала отмену охабней для русской аристократии, то сама от них полностью отказалась⁶⁵. К концу XVII в. охабни, очевидно, вообще пропали из женского гардероба. В стговорной записи А. Г. Ржевской со стольником П. А. Самариным-Квашниным о замужестве (29 января 1698 г.), которая содержит подробную роспись приданого, из верхней одежды упомянуты 11 шуб и 7 телогрей⁶⁶. Упомянутый про охабни в описи нет.

Подтверждается и сообщение источников о смене шапок на треухи. Если царица Мария Ильинична имела 27 шапок и 1 треух, то Агафья Семеновна — 2 шапки и 4 треуха⁶⁷. Как пишет

⁶² Шлейсинг Г. А. Рассказ очевидца о жизни Московии конца XVII века. С. 121, 122.

⁶³ Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. С. 72.

⁶⁴ Подробная летопись от начала России до Полтавской Баталии. СПб., 1799. Ч. 4. С. 65; Седов П. В. Реформа служилого платья при Федоре Алексеевиче. С. 82.

⁶⁵ Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI–XVII столетиях. Новосибирск, 1992. С. 216.

⁶⁶ Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968. № 59. С. 188–190. РГАДА Ф. 253. Д. 33. Л. 73–76.

⁶⁷ Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI–XVII столетиях. С. 216.

Забелин, треухи, которые первоначально были редкой одеждой, в кон. XVII в. стали входить в моду⁶⁸. Новые женские головные уборы, треухи, отличались от традиционных шапок большей простотой и функциональностью.

«Дневник зверского избиения московских бояр» сообщает также, что после смерти Федора Алексеевича царевна Екатерина Алексеевна носила «шапку и платье в польском вкусе... забросила московские кафтаны, перестала заплетать волосы в одну косу», царевна Мария Алексеевна также одевалась по-польски⁶⁹. Скорее всего, факты ношения женщинами польского платья были единичными. По крайней мере, иностранцы в своих записках на протяжении всего XVII в. продолжали отмечать, что русские женщины одеваются «как турчанки». Тем не менее, подобные случаи в общем контексте происходящих перемен свидетельствуют о готовности некоторых представительниц русской знати отказаться от традиционного платья.

Если царевны надевали польское платье по собственному желанию, то русским служанкам, прислуживавшим в Немецкой слободе, немецкое платье приходилось носить по необходимости. В 1678 г. Таннер писал: «Служанок, коими бывают либо дородные москвитянки, либо безобразные татарки, они одевают в немецкую же одежду, которая — к смеху зрителей — безобразит их неуклюжую фигуру»⁷⁰.

Можно предположить, что к концу XVII в. стали появляться и некоторые новшества в женской косметике. Де ла Невиль, француз, посол польского короля, побывавший в Москве в 1689 г., писал о жене Андрея Артамоновича Матвеева: «Это единственная женщина в этой стране, которая не пользуется белилами и никогда не нарумянена, поэтому она достаточно хороша собой»⁷¹.

К XVII в. употребление белил и румян воспринималось как национальный обычай, и те немногие высокопоставленные красавицы, которые пытались от него отказаться (например, жены И. Б. Черкасского и В. В. Голицына), подвергались остракизму⁷². Тем не менее, можно предположить, что некоторые молодые русские красавицы начали отказываться от чрезмерно яркой косметики.

Заключение

Подводя итоги нашему обзору русской моды последней четверти XVII столетия, следует сделать вывод, что в эти годы во внешнем облике русских людей произошли значительные изменения. Перемены касались в основном служилых людей, причем не всех, а по преимуществу жителей столицы. Заключались они в отказе от традиционного верхнего парадного платья и переходе на служилый костюм. Толчком к этим изменениям явился указ Федора Алексеевича 22 октября 1680 г. Результатом перехода на служилый костюм стало распространение на Россию общеевропейских тенденций развития костюма. Платье представителей русского служилого сословия стало постепенно укорачиваться и приобрело сходство с польским. Процесс этот развивался постепенно, и к концу XVII столетия у российской знати сформировался национальный костюм европейского типа. Именно это, а не традиционное русское платье времен Алексея Михайловича Петр I менял на французский, венгерский и саксонский костюмы. Кроме нового костюма в среде русской знати в последней четверти XVII в. распространялась постепенно мода на бритье бород и ношение париков. Указы царя Федора не касались брадобрития и париков. Формально оставались в силе запреты предыдущего царствования, однако на деле мода на бритые подбородки и стрижку волос распространялась все шире. Боролось с этой тенденцией только духовенство.

⁶⁸ Там же. С. 193, 194.

⁶⁹ Седов П. В. Реформа служилого платья при Федоре Алексеевиче. С. 81, 82.

⁷⁰ Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. С. 69

⁷¹ Невиль, де ла. Записки о Московии. С. 131.

⁷² Бусева-Давыдова И. Л. «Свое» и «чужое» в русской культуре XVII века. С. 271–302.

Отдельные, гораздо менее глубокие изменения происходили и в женском костюме.

Перемены в платье затрагивали в основном жителей Москвы, а среди них, в первую очередь служилых людей. Остальная часть населения России продолжала носить традиционную одежду. Иноземный облик продолжал рассматриваться крестьянством и многими простыми горожанами как нечто «греховное», «нечистое». Достаточно вспомнить, что на выполненных в 1686—1688 годах фресках вологодского Софийского собора иностранцы в коротких костюмах европейского покроя прямой дорогой отправляются в ад⁷³.

Легкость, с которой русская служилая знать приняла петровскую реформу костюма, объясняется тем, что она продолжала изменения, начатые еще при царе Федоре. Оппозицию нововведениям могли составить только отдельные, консервативно настроенные представители знати. Жесткое неприятие петровских преобразований внешнего облика русских людей было свойственно простым людьми, на которых не распространялась реформа платья Федора Алексеевича и которые не были затронуты влиянием европейской моды.

В современной учебной и популярной исторической литературе принято рассматривать петровскую реформу платья как некий культурный шок. В реальности эта реформа была шоком только для простых горожан и для ревнителей традиций.

Новый костюм был своеобразным символом петровских преобразований, на которых размежевались Московская Русь и петровская Россия. Именно поэтому и сторонники, и противники петровской реформы платья в последующие годы преувеличивали ее радикализм. В XIX в. представления о культурном шоке петровского времени и резком обрыве традиции только укреплялись. Слишком соблазнительно было проиллюстрировать сменой одежды глубокое различие между Русью XVII и Россией XVIII столетий. С. М. Соловьев в своей «Истории» писал: «Мы уже говорили о смысле преобразования наружности русского человека — преобразования, решительно закончившегося при Петре. Теперь, говоря преимущественно о перемене платья, мы опять должны заметить, что нельзя легко смотреть на это явление, ибо мы видим, что и в платье выражается известное историческое движение народов. Коснеющий, полусонный азиатец носит длинное, спальное платье. Как скоро человечество, на европейской почве, начинает вести более деятельную, подвижную жизнь, то происходит и перемена в одежде. Что делает обыкновенно человек в длинном платье, когда ему нужно работать? Он подбирает, обрезывает полы своего длинного, вынесенного из Азии платья... Таким образом, и русский народ, вступая на поприще европейской деятельности, естественно должен был одеться и в европейское платье, ибо вопрос... состоял в том: к семье каких народов принадлежать, европейских или азиатских, и соответственно носить в одежде и знамение этой семьи»⁷⁴.

Сам С. М. Соловьев четко понимал, что при Петре лишь получили свое завершение те тенденции развития русского костюма, которые проявились уже несколькими десятилетиями раньше, и (не совсем точно) писал о введении польского платья еще при Федоре Алексеевиче. Однако созданный Соловьевым яркий, художественный образ под пером его менее талантливых последователей превратился в сухую упрощенную схему. Эта ошибочная схема резкого перехода от «азиатского и отсталого» традиционного русского платья к «прогрессивному» европейскому костюму по мановению руки Великого Петра прочно вошла в литературу.

⁷³ Баниге В., Перцев Н. Вологда. М., 1970. Ил. 62.

⁷⁴ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 8. С. 100, 101.